

Выборы депутата
Государственной Думы
по Шахтинскому округу №154

ЮРИЙ МЕЗИНОВ

пожарный, общественник,
благотворитель, который решил
изменить нашу страну

Здравствуйте, уважаемые избиратели!

Меня зовут Юра Мезинов, и я решил связать жизнь с судьбой горняцких районов Ростовской области. Надеюсь, что смогу стать для вас хорошим депутатом, другом, защитником и тем человеком, который никогда не откажет в помощи. Вся моя жизнь тому порукой, потому что судьба, похоже, специально готовила меня к сегодняшним событиям – выборам 19 сентября.

Я пожарный, сам не раз спасал людей из огня, был и остаюсь добровольцем Донбасса, стал костью в горле у нерадивых донских чиновников и их свиты.

Люблю жену Катю и моих детей, Федю и Ростислава. Не вру, не выпендриваюсь, не пиарюсь. Просто делаю мою работу.

Прошу поверить в честность и чистоту моих намерений. А чтобы вы лучше меня узнали, мы с командой написали этот рассказ.

КТО ТАКОЙ ЮРА МЕЗИНОВ И КАКОЙ ОН БЕЗБАШЕННЫЙ

Вот уже несколько лет донские СМИ клеймят меня словом «общественник», и слово-то на самом деле очень хорошее, но отношение к нему испорчено безвозвратно. Когда началась война на Донбассе, тысячи людей оказались готовы тратить деньги, время и силы, чтобы доставить пострадавшим гуманитарный груз, приютить у себя беженцев, но деятельность эта была плохо отрегулирована, и на каждого благодетителя нашлось по два мошенника и спекулянта. Сейчас я трижды подумаю, прежде чем публично заявлять, что я гуманитарщик, потому что для многих это звучит как «я шарлатан».

То же произошло и с репутацией общественников: для одних высказывать активную позицию по текущей повестке – это способ строить политическую карьеру, для других – привлекать к себе постоянное внимание. И пускай высказываются: даже от таких общественников пользы больше, чем вреда. Но когда за очень правильными словами не следует никаких дел, люди со стороны начинают воспринимать общественную деятельность просто как ни к чему не обязывающее комментирование всего подряд.

Когда произошла страшная катастрофа – пожар в ТЦ «Зимняя вишня» в 2018 году, все начали винить в про-

изошедшем пожарных. Я эту систему отлично знаю, поскольку десять лет проработал в пожарной охране, потом год продержался в пожарной инспекции (сбежал оттуда) и понимаю, что винить эмчээсовцев в этой трагедии – все равно что ругать ребенка за диарею в городе с грязной водой. Свою позицию я тогда подробно сформулировал в соцсетях, и тут ко мне из Москвы приезжает съемочная группа ВГТРК из киселевских «Вестей недели». Я не сразу понял, откуда такое внимание, ведь любой, кто понимает в пожарном деле, повторил бы мои слова, но, оказывается, сказать это вслух на всю страну решился только я. Поэтому время от времени я комментирую различные происшествия в стране и регионе на случай, если мое мнение окажется для кого-то ценным. Те, кто обращается ко мне за комментарием, знают, что он будет по крайней мере правдивым. Я могу сказать что-то неуместное или даже неграмотное (не возражаю, если меня поправят те, кто знает лучше), но это всегда будет честно.

Но *общественником* журналисты начали меня называть еще раньше, после истории с батайским скейт-парком. У меня в Батайске есть своеобразная агентура из спортсменов, скейтбордистов, велобайкеров. Я люблю молодежь, которая ведет здоровый образ жизни; мне удалось влиться в их тусовку, сдружиться: они обращаются ко мне за помощью, от них я узнаю все городские новости. И вот они говорят: нам не хватает скейт-парка, где мы могли бы тренироваться делать более крутые трюки, проводить со-

ревнования. Я взялся плотно за это дело, пошел с проектом в администрацию; им все понравилось, особенно то, что я готов вложить свои деньги, а из бюджета нужно добавить совсем немного.

У меня сразу появилась союзница, *Екатерина Стенякина* из комитета областного Заксобрания по молодежной политике и спорту. Она искренне загорелась идеей парка, выступала вместе со мной в батайской администрации, приближала день воплощения мечты в реальность, и, когда проект был почти готов, все стихло в один момент. К кому ни подойду, все притворяются, будто не понимают, о каком скейт-парке речь. И только один чиновник мне деликатно сообщает: *«Забудь об этом, землю, выделенную под скейт-парк, уже продали»*. И все, кого я считал своими соратниками, просто с этим смирились, промолчали и вернулись к своим делам.

Я же пришел на ближайшее областное мероприятие, посвященное молодежной политике, когда там было все руководство, журналисты, общественники, гости, вышел к микрофону и высказал все, что думаю и знаю, с фамилиями. Подобной наглости от меня никто не ожидал. Вокруг этой истории поднялась шумиха, что позволило по ранним договоренностям все-таки поставить скейт-парк в условленном месте, хоть и не такой большой, как планировалось, ведь его пришлось делать только за внебюджетные средства. Скейт-парк до сих пор стоит на полузаконном

основании, время от времени мы там проводим соревнования: приглашаем профессионального судью, устанавливаем призовой фонд, чтобы все было по-настоящему, зовем известных экстрим-спортсменов показать батайчанам мастер-класс. После таких тренировок мы побеждаем и на других соревнованиях в области.

Моя же тогдашняя публичная выходка не осталась без последствий. Во-первых, на меня смертельно обиделись все наши городские и даже некоторые областные власти, а во-вторых, журналисты увидели, какой я безбашенный, и с тех пор ждут от меня скандальных высказываний, забивающих новые гвозди в крышку гроба моей политической карьеры. Но в этом и есть суть общественной деятельности – на каждого благодарного тебе человека всегда найдется десять ненавистников.

Представьте: вы видите, как на улице пьяный мужик пристаёт к девушке. Многие, конечно, пройдут мимо, но если вы настоящий мужчина, обязательно заступитесь за даму. Завязывается драка, вы его отключаете, девушка вызывает полицию, и вас забирают в отделение за хулиганство. Выходите из участка через три дня, злой, раздраженный, и видите такую же ситуацию: другой мужик, другая девушка, откровенные приставания. Тут уже практически никто не захочет связываться, но все равно найдется тот, кто опять заступится – не всегда же вселенная действует по закону подлости. И опять драка, хулиганство, участок.

Так вот общественник – это такой человек, который и на третий, и на десятый, и на сотый раз продолжает заступаться за девушку, потому что считает это правильным. Такой склад ума формируется в течение всей жизни, и, оглядываясь назад, я начинаю понимать, почему я такой, какой есть. И если уж я намерен стать вашим парламентарием в Федеральном Собрании, вы тоже имеете право все обо мне знать.

КАЗАЧЬИ КОРНИ И РЕЦЕПТЫ БАБЫ ДИНЫ

Родители мои познакомились, когда обе их семьи жили на улице Ленинградской, в самой старой части Батайска. Более коренных жителей этого города и представить сложно.

Мезиновы – одна из первых семей, поселившихся в Батайске. Мой дед *Василий Константинович* любил повторять, что в нас течет казачья кровь, и, бывало, до того разгорячится, что кровь становится и княжеской, и чуть ли не царской. Он прошел всю войну в пехоте связистом, в битве на берегу Одера и при взятии Кенигсберга молниеносно устранял порывы связи под артобстрелом, был награжден медалью «За отвагу». Работал почти всю жизнь водителем и передал эту профессию моему отцу.

Его жена *Мария Васильевна*, в девичестве *Логвинова*, была дочерью зажиточного купца, владевшего в Батайске магазинами и складами. Он относительно безболезненно пережил раскулачивание, потому что за него вступились наемные работники, которые его любили и уважали. Половину его имущества и недвижимости национализировали, но остальное разрешили поделить поровну между родственниками. Бабушка преподавала в школе труд, а в остальное время шила одежду.

Мой дедушка по матери, *Шевченко Александр Максимович*, переселился с семьей из Новороссии в поселок Койсуг, который теперь часть Батайска. К началу Великой Отечественной был еще слишком юн, на фронт его призвали в 1945-м, и повоювать ему так и не довелось. Он тоже водитель (это семейная профессия), а когда я родился, то уже был на пенсии и подрабатывал в котельной.

Мама моей мамы, *Андреенко Дина Яковлевна*, росла в семье, где было одиннадцать детей. Ее отец в годы НЭПа преуспел в разведении свиней на Урале, а когда владеть большим хозяйством стало незаконно, сбежал на Дон. В годы немецкой оккупации их семья оставалась в Батайске и даже прятала на чердаке раненого красноармейца. При виде одиннадцати голодных ртов даже некоторые немецкие солдаты проявляли сострадание и делились едой. *Бабушка Дина* всю жизнь трудилась в сфере пищевой промышленности и брала ма-

ленького меня посмотреть на жидкую халву, гнущееся печенье, свежавыжатый лимонад. Но ей было бы впору работать психологом – она несколько раз спасала как брак моих родителей, так и мой собственный. Когда мне казалось, что все кончено и развод неизбежен, бабушка выслушивала меня и присваивала ссоре категорию опасности (вот от кого во мне ген пожарного). Первая категория – три часа на то, чтобы остыть и успокоиться, а потом просто извиниться. Вторая категория – пять часов и букет цветов, третья – десять часов и коробка конфет. Такой ссоры, которую нельзя было бы решить коробкой конфет, между любящими людьми случиться не может, поверьте моей бабушке.

ЯЩЕРИЦЫ ЗА ВОРОТНИКОМ И БРАТСКАЯ ЛЮБОВЬ

Как и несколько поколений моих предков, я родился, вырос и живу в Батайске. Отец всю жизнь шофер, мать – учитель младших классов (я и сам у нее учился), оба своего рода общественники: один у себя на АТП, вторая – в школе, и я с детства привык что-нибудь организовывать: то для водителей, то для родителей.

Семья у меня строгая, недаром казаки: отец перед дедом по струнке ходил, я – перед отцом, сыновей тоже стараюсь строже воспитывать. Вроде получается.

Я отца всегда боялся не разозлить, а огорчить. Мама говорила не *«отец придет – ремня даст»*, а *«отец придет с работы уставший, давай его порадуем сделанными уроками»*. Мне порой казалось, что ремень был бы безобиднее, чем мамины педагогические приемчики, против них вообще ничего не попишешь.

Жили мы в большом доме на три семьи, потом какое-то время в квартире, но я все время проводил на речке: мы купались до посинения, гонялись за лягушками, ящериц за воротником таскали, пока чей-нибудь запаниковавший родитель не приходил нас по домам разгонять. И вот картина: вечер, коров ведут с пастбища стадом, и нас, чумазых, с речки толпой.

Все думали, что я с детства хороший коммерсант: первую попытку построить бизнес предпринял в шесть лет. В парке к зиме обрезали розы, а они еще цвели, я собрал все цветы и понес на рынок продавать, не побоялся, не застенялся. Правда, продать я так ничего и не успел. Родители меня потеряли, а им говорят: ваш сын на рынке цветами торгует. Мама себя опять повела как педагог, предложив: *«А зачем продавать, попробуй красиво оформить и подарить кому-нибудь»*. Мы как раз переехали в многоквартирный дом, и я пошел с букетом к нашей новой соседке, тете Зое, она рассыпалась в благодарностях, угостила конфетами. Домой я вернулся счастливый, в полнейшем восторге: *«Как хорошо! Как приятно дарить!»*

Когда мне было семь лет, у меня появился мой любимый брат Аркадий. Родился он с тяжелым заболеванием – ДЦП. Врач сказал моей маме: *«Отдайте его лучше в детский дом, он и сам дурачок, и у вашего старшего из-за общения с ним будут задержки в развитии»*. На самом деле проблемы с развитием у врачей, чей язык поворачивается такое говорить.

Но брат и правда на меня повлиял: он сделал меня сострадательнее, милосерднее, человечнее, он меня остепенил. Лет до пятнадцати я гулял только с ним. Пока другие ребята пробовали сигареты, алкоголь, наркотики, я все свободное время посвящал ему. Я тоже гулял, но гораздо реже, недостаточно, чтобы влиться в «крутую» компанию. Родители работали. Пока я был в школе, с братом сидела нянька, но в остальное время это была моя обязанность.

Не так давно узнал, что мама до сих пор чувствует вину передо мной, но у меня никогда не было претензий ни к родителям, ни к брату. Может, в пятнадцать лет я и психовал, думая, что упускаю свою юность, но очень быстро понял, что все лучшее я от юности взял, а от всего плохого остерегся. Когда я получил свободу вкусить взрослой жизни, мозги уже встали на место и ни на какую гадость меня не тянуло.

НЕ ДАЙ БОГ КАТЮХУ ШЕПОТЬКО ОБИДИШЬ

В школе мне всегда была интереснее внеурочная деятельность. У нас было несколько команд КВН, я в своей был капитаном, и мы боролись за право выступать за город. Когда в девятом классе я начал скатываться по оценкам, мама запретила мне этим заниматься, и как раз тогда мои ребята выиграли городской фестиваль.

Девять лет занимался борьбой, но никаких успехов не достиг. Мой тренер посоветовал мне перейти в дзюдо. Вот это уже оказалось мое, я получил разряд, достойно выступал на областных соревнованиях. Но это всегда был спорт для здоровья, профессиональным спортсменом я себя никогда не считал.

Мне очень повезло со школьными учителями, они всегда были для меня не просто кладезем знаний, но и ориентиром в проявлениях человечности. Я смотрел на них и учился: быть строгим так, чтобы на тебя не обижались, быть снисходительным так, чтобы тебе не садились на шею.

Я помню, как у нашего профорга Марины Игоревны не осталось ни одного неседого волоса на голове после яростной борьбы, которую она вела

за права учителей на уровне профсоюза. Я вспоминаю ее и не позволяю себе быть мямлей в острых вопросах. И в то же время я помню, как в десятом классе наша учительница химии за одну из побед на КВНовской сцене налила всем участникам команды по химической пробирочке вина со словами: *«Когда ученики ответственные и порядочные, учителю позволено немного пошалить»*. И я уже убедился, что без способности к детским шалостям в любой профессии неизбежно выгорание.

В институте я окончательно расставил приоритеты, и общественная деятельность стояла в них явно выше учебы. Ректорат это всячески поощрял, и у меня даже была привилегия переносить сессию для студентов, которых я отмечал как активных, чтобы если вдруг мы не успевали подготовиться к экзамену из-за выступлений, соревнований, турпоходов, то могли все сдать попозже. Но сдавать все-таки приходилось, и в эти моменты я осознавал, какая сильная у меня была школа.

Как-то на экзамене по истории преподаватель потребовала с меня букет цветов. Я был готов метнуться в магазин, но она меня остановила: *«Ты не понял, цветы не мне, я тебе уже пятерку поставила, отнесешь их своему школьному учителю, потому что ты не слушал и не читал ни одной моей лекции, но школьную программу помнишь назубок»*.

На третьем курсе института я познакомился со своей будущей женой Екатериной, она была первокурсницей. Мы оба учились в Ростовском инженерно-строительном, теперь это Академия строительства ДГТУ. Пока я занимаюсь политикой, весь наш строительный бизнес держится на плечах супруги.

Никто почему-то в это не верит, но это она влюбилась в меня первой. Мы оба играли в народном студенческом театре эстрадных миниатюр под руководством выдающегося режиссера с задорным одесским характером Владимира Борисовича Паланта, сейчас СТЭМ носит его имя. Этот человек – один из ключевых наставников в моей жизни. У них с женой не было родных детей, и те полвека, что он руководил театром, он был отцом для всех стэмовцев.

И вот представьте: активный старшекурсник, капитан команды КВН (кстати, еще со школы) женским вниманием обделен не был, в результате за мной необоснованно закрепилась репутация ловеласа. В нашем театре все, и сам Палант, успели пригрозить мне, мол, не дай бог Катюху Шепотько обидишь! А я и не собирался, это она оказывала мне знаки внимания. Я решил остудить ее пыл, стал отстраняться от нее, общаться холодно. И в этом отдалении вдруг осознал, что она мне не просто нравится, что я вижу в ней не просто очень хорошего человека, которого видели в ней все, а мечтаю, чтобы у меня была такая

жена. Я понял, что если сейчас упущу шанс, то больше никогда не встречу такую девушку. Это осознание пришло ко мне первого сентября, а уже перед новым 2002 годом мы узнали, что Катя беременна. Окружающие в серьезность моих намерений поверили не сразу – мой одноклассник, с которым мы потом вместе работали в пожарке и по сей день дружим, был настроен мне «бить морду» за Катину честь.

Первыми обрадовал моих родителей. В ответ они встали из-за предновогоднего стола и сказали:

– Едем знакомиться. Прямо сейчас. В Усть-Лабинск (Катина семья оттуда).

– Куда? В Новый год? – попытался возразить я. – Вы представляете, что с ними будет от такой новости?

– Мы лучше всех представляем, и раз уж мы ошарашены, надо этим чувством скорее поделиться.

Роль переговорщика взял на себя мой отец, потому что я, двадцатилетний лопухий и худой студент, не выглядел как тот, кого захотят выслушать люди, у которых беременна восемнадцатилетняя дочь. Поздравив тещу и тестя (сейчас я их называю мама и папа) с наступающим, мы с Катей тактично вышли, а мой папа сообщил новоиспеченным сватам радостную весть. Он до сих

пор пересказывает историю, как у сватьи волосы буквально встали дыбом и она молча выбежала в подъезд. Ее нашли у соседки, где она требовала налить ей не то валерьянки, не то водки. Наши отцы по-джентльменски пожали друг другу руки, а матери кинулись в слезы. Моя причитала: *«Мальчик мой маленький, не нагулялся еще, а тут такая ответственность»*. Её рыдала: *«Да какая свадьба в восемнадцать! Это все ненадолго, разведутся, останется матерью-одиночкой»*.

А я стою посреди всего этого переполоха и понимаю: что-то надо сказать, пообещать, что все будет хорошо. Но все, что я смог произнести, это фразу из идущего по телевизору фильма «Ирония судьбы»: *«Поживем – увидим»*. Теперь, когда за спиной двадцать лет брака, я могу сказать, что все получилось. Я и сейчас убежден: о человеке говорят в первую очередь его дела, и верю не тем, кто много обещает, а тем, кто прилагает усилия к тому, за что берется. Нужно давать человеку шанс, а там уже время покажет, умеет ли он отвечать за свои слова.

Мы сразу переехали в частный дом на севере Батайска. Я каждый день бегал кросс до Гребного канала, иногда возвращался из института пешком. Жили классной студенческой семьей: все ребята с потока вечно гостили у нас, малого тоже нянчили коллективно. До сих пор нашей студенческой компанией собираемся и вспоминаем, как Катя бегала с ним на экзамены.

У нас очень активная семья. Мы постоянно ходим вместе в горы: Лаго-Наки, Красная Поляна, Архыз. Катя все подбивает покорить Эльбрус, но я пока подхожу к этому с осторожностью: на большие высоты претендую, только когда чувствую, что готов.

Одно из самых счастливых семейных воспоминаний – мы с женой и сыном в городе Шахты стоим втроем на пьедестале с серебряными медалями за соревнования по тхэквондо. Началось все с того, что Ростислав начал капризничать, что ему не дается спорт и он хочет бросить тхэквондо. Мы с Катей предпочли уговорам и спорам личный пример, потренировались пару месяцев (для нас обоих это был совершенно новый спорт) и на ближайшие соревнования в Шахтах поехали всей семьей, каждый в своей категории. Стоит ли говорить, что эти три серебра для меня дороже любого золота.

Сейчас у нас двое детей, потому что несколько лет назад мы с супругой усыновили малыша из неблагополучной семьи. Наш сын Федор (мы зовем его Федос) – мой неотлучный компаньон и лучший друг. Старшему-то Ростиславу уже не до папки с мамкой: свои дела, своя жизнь. Ну а Федор опять сделал нас с Катей счастливыми молодыми родителями, за что ему спасибо.

МОЯ ПРОФЕССИЯ – ПОЖАРНЫЙ

На втором курсе института нам предложили подработку в добровольческих пожарных дружинах. Платили там сущие копейки, но пожарная служба была моей мечтой. Вольнонаемным студентом меня бросали из части в часть по всему Ростову. Но в памяти, конечно, навсегда останется 104-я пожарная часть, где я стал офицером – прошел допуск на ведение самостоятельного тушения пожара, на право командовать людьми при пожаре.

Это была новая часть, что порождало колоссальные сложности. Неслаженный новый коллектив из других частей приходилось учить работать в команде в почти спартанских условиях: здание пожарной части достраивали сами, технику доводили до ума сами, но теперь это вспоминается как самое прекрасное время жизни, ведь все для нас было ново. Нам достался очень пожароопасный район на Таганрогском шоссе, где много дачных поселков и есть такие тонкости работы, которые поймут только пожарные.

Моим боевым крещением стал пожар в казарме военной части напротив РИИЖТа. Это здание дореволюционной постройки, в нем располагалась военная прокуратура. Произошло возгорание кровли, и когда я тушил на самом верху, крыша обвалилась вокруг со всех сторон. Меня спасла толстая перегородка стены, на которой я чудом

устоял. Вдобавок ко всему мне за пазуху засыпалось несколько углей, и мой товарищ стал заливать воду из ствола прямо мне под куртку, а дело было зимой. Это был даже не наш район выезда, просто так получилось, что мы одними из первых приехали, и я принял командование на нескольких боевых участках тушения. Пожару присвоили повышенный номер, приехало высшее руководство МЧС, и командовали дальше уже сами, но первый и главный этап, эвакуация людей, был на мне. У одного подполковника в кабинете лежали увольнительные деньги на покупку квартиры, и я поддался на его мольбы – сопроводил в уже горящее здание и помог эти деньги вынести. Когда крыша окончательно обрушилась, а третий этаж сгорел, целой осталась только комната этого подполковника, куда я заходил. Я воспринял это как знак, что огонь меня уважает.

Уже в 25 лет я стал помощником начальника службы пожаротушения Ростовской области, выезжал на самые крупные и сложные пожары и, вместо того чтобы раскладывать там штабной столик с флажками, принимал на себя руководство пожаротушением на самых сложных участках. Я никогда не боялся ответственности, брался за самые сложные и опасные задачи как в плане руководства, так и в плане личного выполнения.

На одном пожаре встретил однокурсника. Мы знали, что в подвале остался еще один человек – пока мы его нашли,

у нас закончилась наши баллоны, мы донесли погорельца до лестницы из подвала, но подняться уже не смогли, и нас самих доставали в полусознательном состоянии.

Был случай, когда в Батайске девушка хотела покончить с собой, уже висела на карнизе, и в ту секунду, когда она разжала пальцы, я чудом схватил ее руку через форточку захватом, который используется в дзюдо. Затянуть ее к себе я не мог, поэтому просто держал, пока ее не сняли спасатели. Они потом попросили научить их так крепко хвататься, а я задумался, как в жизни все связано, и даже дзюдо может пригодиться в работе пожарного.

Самый большой страх в жизни я испытал, когда загорелся старый стеклотарный завод в Пролетарском районе. Была зима, и кровля завода, почти плоская, но с небольшим уклоном, была покрыта коркой льда. Я забрался на крышу, поскользнулся и медленно катился к краю (высота четвертого этажа). Зацепиться было не за что, я тщетно пытался пробить крышу пожарным топориком, и мне это удалось уже у самой кромки. Страшно было от того, насколько медленно я двигался к неминуемому, как тогда казалось, падению, и я поддался панике. Опасных ситуаций за десять лет работы возникало много – взрывы газовых баллонов, обрушения горящих перекрытий, – но обычно все происходит мгновенно и стремительно, а тогда я успел испугаться.

Из МЧС я ушел в 2009 году. В какой-то момент почти год работал в пожарной инспекции, а это с моим импульсивным характером и жесткими принципами было ох как сложно. Неприятелей среди начальства я нажил немало. Доходило до смешного: за тушение крупного пожара в бывших коровниках в Аксае меня представили к награде, а потом кто-то позвонил с требованием вычеркнуть мою фамилию из приказа о награждении только потому что это я.

НОВЫЙ СМЫСЛ ЖИЗНИ

Без дела я не остался – пустил все силы на работу в строительной фирме жены. Вдвоем мы могли брать больше объектов, вести больше строек. Но это не приносило мне прежнего удовлетворения, я ведь привык рисковать жизнью, спасать людей, был у этого какой-то высший смысл, которого нет у обычного бизнеса.

Новый смысл жизни я нашел, когда случился военный конфликт с Грузией. Абхазия, Осетия – не чужие мне места, мы туда ездили и на отдых, и на соревнования. Я решил, что там в нынешнем положении пригодятся мои компетенции строителя: возводить укрепления, восстанавливать разрушенные города, и я поехал в Цхинвал. Насмотревшись людского горя, я обзвонил нескольких своих друзей, неравнодушных предпринимателей, и мы организовали помощь в ла-

герь беженцам на туристической базе «Азовское взморье». Как я понимаю теперь, для меня это была только тренировка. Что такое гуманитарная помощь, я по-настоящему узнал в 2014 году.

Вооруженный конфликт на украинском Донбассе перевернул мою жизнь с ног на голову. Там я увидел детские дома и дома престарелых, которые из-за войны остались без всякого обеспечения: большая половина персонала уехала из зоны боевых действий, а те, кто остался, работали бесплатно, им не на кого было надеяться, кроме как на российских гуманитарщиков. Кто-то нас упрекает, мол, нужно решать проблемы в своей стране, а не соседям помощь раздавать. Да, и у нас много нуждающихся, но в России по крайней мере есть система здравоохранения, социальной защиты, а на Донбассе, особенно в первые годы войны, были только мы.

Помню, приехал в одну деревню в районе Горловки, которую украинские военные только что обстреляли из минометов. Общаюсь с председателем сельсовета, выясняю, кому какая помощь нужна, тут подходят к нам две бабушки, божьи одуванчики, друг за друга держатся.

– Петр Михайлович, а когда ополченцы саперов пришлют? У нас мины прямо на огороде, а время чеснок собирать, мы по краю кое-как собрали, а к центру боязно.

– У саперов много работы, до вас не раньше конца недели дойдут, не вздумайте на мины лезть, черт с ним, с чесноком, – отвечает председатель. В военное время чеснок стал для донбасских огородников одним из главных товаров, пригодных на экспорт в Россию.

– Покажите ваш огород, – вмешиваюсь я, – давайте я прямо сейчас куплю у вас весь чеснок по двойной цене, но при условии, что вы точно не станете пытаться его выкопать.

– Ой, да пропадет же весь в земле, пропадет, – запричитали.

– Ничего, я такой рецепт плова знаю, для которого нужен именно чеснок, перегнивший в земле.

А не дай я им эти деньги, полезли бы на мины от безысходности. Это страшно, поэтому я низко кланяюсь всем, кто как мог помогал и продолжает помогать этим людям в такое тяжелое время. Благодаря Донбассу я познакомился со множеством прекрасных людей; они приезжали из самых разных городов России и просили провезти через границу, познакомить с нуждающимися, показать, где можно купить то, в чем те нуждаются.

Так я познакомился и с Захаром Прилепиным. Через зеленый коридор, степень открытости которого часто менялась, разрешено возить далеко не все, поэтому я советовал своим попутчикам брать гуманитарную помощь не продуктами, а деньгами, покупать все что нужно, у местных производителей (на луганских рынках я уже хорошо ориентируюсь) и развозить старикам, оставшимся жить в обстреливаемых деревнях.

Однажды меня попросили встретить человека в аэропорту «Глатов» и помочь ему провезти через границу гуманитарный груз. Человеком оказался Захар, грузом оказались три фуры товаров, причем таких, которых в ДНР и ЛНР реально не купишь. Поскольку до этого я ездил через границу только порожняком, мне пришлось придумать новую тактику. А именно, оформить помощь официально, тогда закону и недели не было, и усердно молиться. К счастью, все получилось, на той стороне я указал населенные пункты, наиболее нуждающиеся в помощи, и активно поучаствовал в доставке. Возможно это первые фуры, которые зашли в рамках измененного закона.

Не могу сказать, что мы с Захаром сразу стали друзьями, но не заметить друг друга мы не могли. Все более или менее активные общественники Донбасса знакомы друг с другом лично. И вот, как говорится, не прошло и пол-года, как он предложил мне возглавить региональное отделение его движения «За правду» в нашей Ростовской

области. Я сразу спросил: «*Это политическая партия?*». Он ответил: «*Пока нет, но, если будет нужно, станет ею*». Как вы знаете, так и произошло. Так что Донбасс не только укрепил во мне дух общественника, но и открыл путь в политику. Я понял, что политические взгляды, отстаивание определенных ценностей – это не пустой звук, за это нужно бороться.

Мы раздавали гуманитарную помощь на базе школ, и я старался как можно больше общаться с тамошними опытными педагогами, пытался понять, в какой момент случился этот катастрофический раскол, который нам не мог и в страшном сне присниться. И я узнал, что в украинских музеях (изучил вдоль и поперек музей истории казачества в поселке Фрунзе) последние пятнадцать лет постепенно подменяли экспонаты, тематически меняли экспозицию в угоду идеологии, понемногу переписывали историю туда-обратно и стерли что-то такое важное, без чего человек не может ориентироваться в жизни. Рессора в автомобиле выдерживает нагрузки в десятки тонн, но держится на нескольких маленьких бубышках, и если они стираются, то все ерзает, плывет и больше не работает. У каждого народа есть такие реперные точки, на которых он строит свою шкалу ценностей, и у нас они уже очень смазаны. Понимать, что для твоего народа представляет первостепенную ценность, а что – второстепенную, знать его традиции и историю – это просто минимальная порядочность, в этом и состоит здоровый национализм.

В движении, а потом и в партии «За Правду» я нашел настоящих соратников, тех, кого видел среди гуманитарщиков на Донбассе, тех, с кем развозил вещи в благотворительные фонды, тех, кого знаю как честных и инициативных общественников.

Чтобы иметь возможность решать проблемы людей не точно, а системно, нам нужно иметь своих представителей в Государственной Думе. Для этого мы объединились с партиями «Справедливая Россия» и «Патриоты России» в единую партию «Справедливая Россия – За Правду». Однако внутри СРЗП все не так гладко: партия решила, что в родном Батайске, где меня все знают, будет избираться бывалый политик Михаил Емельянов, а меня сослали в шахтерские районы Ростовской области.

Но сейчас я понимаю, что это даже хорошо. У жителей Шахт, Новошахтинска, Гуково, Зверево, Красного Сулина давно не было нормального представителя в федеральном парламенте.

Проблемы, которые накопились в наших городах и районах, не решаются – от слова совсем, а решать их пора всерьез. *Эти вопросы нужно ставить ребром, и человека, который попытается это сделать, обязательно попросят прикусить язык. Хорошо, что мне не привыкать отвечать на подобные просьбы твердым отказом.*

*Я не из богатеев, не подлиза,
не люблю врунов и терпеть
не могу халтурщиков.*

*По нынешним временам с
таким богатством карьеры
не сделаешь. И уж точно
в депутаты не попадешь.*

*Так думают сегодня те, кто
привык, что власть – это удел
избранных, людей того самого
«высокого» круга, где все всё
понимают и ничего не хотят
менять.*

*А я вот мечтаю изменить нашу
страну, чтобы она стала раем
для человека труда, честно в
поте лица зарабатывающего
свой хлеб. Я борюсь за это и для
вас тоже.*

***Жму руку, спасибо, что
были со мной, пока читали.
Приходите на выборы,
голосуйте за правду!***

Изготовитель: индивидуальный предприниматель Ютишев Анатолий Сергеевич, ИНН 616200638500. Свидетельство № 12620 от 29.04.2002 г. Адрес регистрации: 344004, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, пл. Рабочая, 25, кв. 83. Заказчик: Кандидат в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва по одномандатному избирательному округу Ростовская область – Шахтинский одномандатный избирательный округ № 154 Мезинов Юрий Геннадьевич. Заказ № 645 от 04.08.2021 г. Тираж – 130 000 экз. Дата выпуска – 12.08.2021 г. Изготовление оплачено из средств избирательного фонда кандидата в депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва по одномандатному избирательному округу Ростовская область – Шахтинский одномандатный избирательный округ № 154 Мезинова Юрия Геннадьевича.

